

Лев Толстой

Что я видел во сне...

Часть сборника
Крейцерова соната (сборник)

Лев Толстой

Что я видел во сне...

«Public Domain»

1906

Толстой Л. Н.

Что я видел во сне... / Л. Н. Толстой — «Public Domain», 1906

«— Она как дочь не существует для меня; пойми, не существует, но не могу же я оставить ее на шее чужих людей. Сделаю так, чтобы она могла жить, как она хочет, но знать ее я не могу. Да, да. Никогда в голову не могло прийти что-нибудь подобное... Ужасно, ужасно! Он пожал плечами, встряхнул головой и поднял глаза кверху. Говорил это шестидесятилетний князь Михаил Иванович Ш. своему младшему брату, князю Петру Ивановичу, пятидесятишестилетнему губернскому предводителю в центральном губернском городе...»

© Толстой Л. Н., 1906

© Public Domain, 1906

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Лев Толстой

Что я видел во сне...

I

– Она как дочь не существует для меня; пойми, не существует, но не могу же я оставить ее на шею чужих людей. Сделаю так, чтобы она могла жить, как она хочет, но знать ее я не могу. Да, да. Никогда в голову не могло прийти что-нибудь подобное... Ужасно, ужасно!

Он пожал плечами, встряхнул головой и поднял глаза кверху. Говорил это шестидесятилетний князь Михаил Иванович Ш. своему младшему брату, князю Петру Ивановичу, пятидесятишестилетнему губернскому предводителю в центральном губернском городе.

Разговор происходил в губернском городе, куда приехал старший петербургский брат, узнав, что бежавшая из его дома год назад тому дочь поселилась с ребенком в этом самом городе.

Князь Михаил Иванович был красивый, бело-седой, свежий высокий старик с гордым и привлекательным лицом и приемами. Семья его состояла из раздражительной, часто ссорившейся с ним из-за всяких пустяков, вульгарной жены, сына не совсем удачного, мота и кутилы, но вполне «порядочного», как понимал отец, человека, и двух дочерей, из которых одна, старшая, хорошо вышла замуж и жила в Петербурге, и меньшая любимая дочь Лиза, та самая, которая почти год тому назад исчезла из дома и только теперь нашлась с ребенком в дальнем губернском городе.

Князь Петр Иванович хотел спросить брата: как, при каких условиях ушла Лиза, кто мог быть отцом ребенка, но не мог решиться спросить. Еще сегодня утром, когда жена Петра Ивановича стала выражать сочувствие деверю, князь Петр Иванович видел, какое страдание выразилось на лице брата и как он старательно скрыл то страдание под выражением неприступной гордости и стал расспрашивать невестку о цене ее квартиры. За завтраком, при всех семейных и гостях, он, как всегда, был ядовито и остроумно насмешлив. Со всеми, кроме детей, с которыми он был как-то почтительно ласков, он со всеми был неприступно надменен. И притом был так естествен, что все как будто признавали за ним право быть надменным.

Вечером брат составил ему партию в винт. Когда он ушел в приготовленную ему комнату, он только что взялся вынимать фальшивые зубы, как в дверь слегка постучались двумя ударами.

– Кто там?

– C'est moi, Mishel.¹

Князь Михаил Иванович узнал голос невестки, поморщился, вставил назад зубы и проговорил про себя: «Чего ей нужно», и громко:

– Entrez.²

Невестка была тихое, кроткое существо, безропотно покорявшаяся мужу, но чудачка, как ее называли (некоторые считали ее даже дурочкой), хотя и хорошенькая, всегда растрепанная, неряшливо, небрежно одетая, всегда рассеянная и с самыми странными, неподходящими к предводительше, неаристократическими мыслями, которые она вдруг выражала к удивлению всех, и знакомых и мужа.

¹ Это я, Мишель (франц.).

² Войдите (франц.).

– Vous pouvez me renvoyer, mais je ne m'en irai pas, je vous le dis d'avance,³ – начала она свою речь с свойственной ей нелогичностью.

– Dieu préserve,⁴ – отвечал деверь, с своей обычной, несколько преувеличенной учтивостью подвигая ей кресло. – Ça ne vous dérange pas?⁵ – сказал он, вынимая папиросу.

– Вот что, Мишель, я не буду говорить ничего неприятного, я только хотела сказать об Лизаньке.

Михаил Иваныч вздохнул, очевидно от боли, но тотчас же справился и, улыбаясь усталой улыбкой, сказал:

– Разговор с тобой может быть для меня об одном предмете, именно о том, о котором ты хочешь говорить, – сказал он, не глядя на нее и, очевидно, избегая даже названия предмета разговора.

Но толстенная, кругленькая, миловидная невестка не смутилась и, тем же добрым, умоляющим взглядом своих голубых глаз продолжая смотреть на Михаила Ивановича, сказала, так же, и еще более, чем он, тяжело вздыхая:

– Мишель, mon bon ami,⁶ пожалейте ее. – Она, как всегда говоря с деверем, сбивалась на «вы». – Ведь она человек.

– Я никогда не сомневался в этом, – с неприятной улыбкой отвечал Михаил Иванович.

– Она дочь.

– Была. Да. Но, милая Алин, к чему эти разговоры?

– Мишель, милый, поводайте ее. Я хотела сказать вам только то, что тот, кто виноват во всем...

Князь Михаил Иванович вспыхнул, лицо его стало страшно.

– Ради бога, не будем говорить. Довольно я перестрадал. Теперь ничего нет для меня, кроме желания поставить ее в такое положение, чтобы она никому не была в тягость, чтобы ей не нужно было входить ни в какие сношения со мной, чтобы она могла жить своей отдельной жизнью и мы с семьей своей жизнью, не зная ее. Я не могу иначе.

– Мишель, все «я». Ведь она тоже «я».

– Это несомненно, но, милая Алин, пожалуйста, оставим это. Мне слишком тяжело.

Александра Дмитриевна помолчала, покачала головой.

– И Маша (жена Михаила Ивановича) так же смотрит?

– Совершенно так же.

Александра Дмитриевна пощелкала языком.

– Brisons là-dessus. Et bonne nuit,⁷ – сказал он.

Но Александра Дмитриевна не уходила. Она помолчала.

– Петя мне говорил, что вы хотите оставить деньги той женщине, у которой она живет. Вы знаете адрес?

– Знаю.

– Так не делайте это через нас, а съездите сами. Вы только посмотрите, как она живет. Если вы не захотите видеть ее, то наверное не увидите. Его там нет, никого нет.

Михаил Иванович вздрогнул всем телом.

– Ах, за что, за что вы меня мучаете? Это негостеприимно.

Александра Дмитриевна встала и с слезами в голосе, умиляясь сама над собой, проговорила:

³ Вы можете меня прогнать, но я не уйду, говорю это вам заранее (*франц.*).

⁴ Боже сохрани (*франц.*).

⁵ Вас это не беспокоит? (*франц.*)

⁶ Друг мой (*франц.*).

⁷ Оставим это. И покойной ночи (*франц.*).

– Она такая жалкая и такая хорошая.

Он встал и стоял, дожидаясь, пока она кончит. Она протянула ему руку.

– Мишель, это нехорошо, – сказала она и вышла.

Долго после нее ходил Михаил Иванович по ковру комнаты, превращенной для него в спальню, и морщился, и вздрагивал, и вскрикивал: «Ох, ох!» и, услышав себя, пугался и замолкал.

Мучала его оскорбленная гордость. Его дочь, его, выросшего в доме своей матери, знаменитой Авдотьи Борисовны, принимавшей посещения императриц, его, знакомство с которым считалось за великую честь, его, прошедшего свою жизнь рыцарем без страха и упрека... То, что у него был побочный сын от француженки, которого он устроил за границей, не уменьшало в нем его высокого мнения о себе. И вот его дочь, для которой он не только сделал все, что может и должен сделать отец: дал прекрасное воспитание, дал ей возможность выбирать себе партию в высшем и лучшем русском обществе, но не только та дочь, которой он дал все то, чего только может желать девушка, но которую он прямо любил, которой любовался, гордился, эта дочь опозорила его, сделала с ним то, что он не может смотреть в глаза людям, что ему стыдно всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.